Павел Бажов

Про главного вора

Сказ дегтярского горняка

Как мне здешние места не знать! В этой самой деревне Кунгурке родился, около нее всю жизнь по рудникам да приискам кайлой долбил да лопаткой ширкал. Все, можно сказать, тропки отоптал, всякий ложок обыскал, каждую горушечку обстукал, - не пахнет ли где золотишком, не звенит ли серебро, не брянчат ли хоть медяшки. Найти немного нашел, а людей-таки повидал, кого - с головы, кого - с пяток.

И про старину слыхал. Много старики сказывали, да память у меня на эти штуки тупая. Все забыл, сколь ни занятно казалось. Про одного вот только старинного немца в голове засело. Это помню. Недаром его прозвали "главный вор". Главный и есть! Про такого не забудешь.

Немецких воров тоже и живых немало видать случалось. Одного такого фон-барона с поличным ловить доводилось. Бревером звали, а прозвище ему было Усатик.

Старались мы тогда артелкой недалеко от горного щита (деревня Горный Щит.-пр.ск.), а этот фон-барон Усатик держал прииск рядом, на казенной земле. И что ты думаешь? Стал он у нас песок воровать. Зароются, значит, в нашу сторону и таскают из нашего пласта. Ну, поймали мы этого Усатика на таком деле, а он, прусачье мясо, хоть бы что.

- Фуй, какой, - говорит, - малый слеф! Бутилка фотки такой слеф не стоит.

Этим пустяком и отъехал. Другой раз поймали, опять отговорку нашел. Рабочие, дескать, прошиблись маленько. Да еще жалуется:

- Русски рабочий очень плех слюшит. Говориль ему - пери зюд-вест, фсегда пери зюд-вест, а он перет ост. Штраф такая работа надо!

И хоть бы покраснел. А сам важной такой. Усы по четверти, брюхо на аршин вперед, одежа, как полагается по барскому званью. Кабы не поймали с поличным, ввек бы никто не подумал, что такой барин придумал эку пакость - песок воровать. А горнощитские старатели, которые на немцевом прииске колотились, в одно слово сказывали - только о том и наказывал:

- Ост пери! Фсегда ост пери! Там песок ошень лютший.

Да ведь еще что придумал? Как сорвала с него наша артелка четвертной билет за воровство, так он хотел эти деньги со своих рабочих выморщить: вы, дескать, виноваты. Ну, те не дались, понятно. Объявили - в суд пойдем, коли такая прижимка случится.

Тоже в здешних местах немцев видал. В те годы Дегтярского рудника и в помине не было. Один Крылатовский гремел. На три чаши там работу вели. По- старому это немало считалось. Ну, старатели тоже кругом копошились. Поводок к нашей Дегтярке обозначаться стал. То один, то другой, глядишь, найдется занятный камешок. Разведывать помаленьку стали. Немец и объявился. Он хоть был толстоносый, а нюх на эти дела у него не хуже самой чутьистой собаки. Он на такую штуку, чтоб к чужому подобраться, оказался вовсе легкий. Вроде пушинки прильнет - и не заметишь. А доверься ему, так не то что кошелек с добычей - ложку из-за голенища стянет. Не побрезгует!

Сысертские владельцы большой приверженности к немцам не имели, а немцы все-таки подобрались как-то, - мы, дескать, тут шахту бить станем. Ну, сговорились, заложили шахту. Берлином ее прозвали для важности. Знай, дескать, наших! А сами-то вовсе были мелкодушные ворюги. Пустяк какой, - и тот прикарманят и штрафами народ донимают невмочь. Недаром рабочих больше из башкир нанимали. Наши, известно, хоть маленько за себя постоять могли, а башкирам при старом-то положении вовсе туго приходилось. Немцы этим и пользовались. Потому у этой шахты в поселке больше башкиры да чуваши живут.

Эту шахту, конечно, теперь по-другому зовут. Вскорости после революции ей новое имя дали. При моих глазах было. Как сейчас помню. Собрались это перед началом работы. Ну, тут и говорят,

какое бы новое имя придумать, чтоб немецкий этот Берлин без остатка покрыло. Тут и вышел на круг башкирец один - дедушко Ирхуша Телекаев. В недавних годах он помер, а тогда еще в силах был. Ну, все-таки старенький и видел плоховато, а руками дюжий. Все, понятно, удивились, как он к разговору вышел, подбадривают:
- Говори, дедушко Ирхуша! Сказывай, что придумал.
Старик и отвечает:
- Знаю такое слово. Оно все перекрыть может.
- Какое? - спрашивают.
- Большевик, - говорит, - такое слово будет.
Все, конечно, захлопали в ладоши.
- Правильно сказал, дедушко Ирхуша!
С той поры эту шахту и стали так звать. На прежнюю она, понятно, нисколько не походит. По-новому все устроено. Ну, да ладно. Не про это разговор. Про другого немца в голове держу.
Этот был на особу стать. Такой ворина, что другого, может, по всем землям не сыскать. Он все здешние заводы у казны украл и целую гору заглотил. И не подавился. Вот какой брюхан!
Так, сказывают, дело вышло. По нашим местам только и было заводчиков, что казна да Демидовы. Демидовы из кузнецов вышли. В заводском деле они понятие имели. Немцев им ни к чему, своим народом обходились. А при казенных заводах в ту пору немцев порядком сидело. Пособлять делу будто их навезли. Они, значит, и пособляли левой рукой из правого кармана. Может, и не все на одну колодку были, а все-таки дело у них не шло. От всех заводов казне убыток. Кому это поглянется? А тут еще Демидовы, как тесто на хорошей опаре, на глазах у всех подымались-богатели дальше некуда. Вот и пошел разговор, какую перемену сделать, чтоб казне от заводов тоже прибыль шла.
У немцев в ту пору при царице которой-то большая сила была. Как на собачью свадьбу их сбежалось, и все в чинах. Этот - генерал, другой - министр, а у третьего должность того выше - при царице вроде мужа ходит. Ну, и мелких большая стая. Вот и стали эти царицыны немцы поддувать: "Надо, дескать, из немецкой земли такого умного добыть, чтоб он все дело о казенных заводах распутал".
Так и сделали. Привезли еще какого-то немца. Для начала ему всяких чинов надавали. Стал он называться обер-гер, над горами голова, а на поверку вышел несусветный вор, ненасытно брюхо.
Привели этого немца к царице, нахваливают его всяко
- Этот, дескать, может всякий убыток в прибыль обернуть.
Царица обрадовалась, говорит:
- Давно такого нам надо. Осмотри, сделай милость, казенные заводы и дай полное тому делу решение.
- Хорошо, - отвечает, - только надо сперва все до тонкости разобрать, а на это время потребуется.
- Об этом, - говорит царица, - не беспокойся. Жалованье положим подходящее, прогон генеральский. Поезди погляди своими глазами.
Приехал этот немец в здешние места. Поразнюхал дело. А в те годы самый большой разговор был о горе Благодати. Какой-то, сказывают, охотник принес камешки с этой горы в наш город и показал горному начальству. Те видят - железная руда самого высокого сорту, живо нарядили знающих людей поглядеть на месте. Оказалось, - вся гора из сплошной руды. Понятно, такое место сразу застолбили и за казну взяли. Вскорости завод тут строить стали. Вовсе по-хорошему.
Демидов, конечно, мимо этого дела не прошел, тоже руки к рудной горе протянул. Да еще что! На своих приспешников накинулся.
- Куда глядели? Почему охотника с рудой до начальства допустили?

Приспешникам что делать? Они, сказывают, взяли да и убили того охотника, чтоб напредки другие не смели мимо Демидова руду проносить. Одним словом, круто заварилось.
Тут еще один заводчик выискался, Как услышал про рудную гору, заявку подал:
- Допустите в долю! Это место мне давно ведомо. На него и метил, как свой завод ставил.
Немец из этого понял - большой кусок эта гора Благодать. Не стал больше по заводам трястись, сразу к царице уехал.
- Так и так, - говорит, - оглядел я все заводы и вижу - самое прибыльное эти заводы по рукам раздать. Без хлопот тогда будет. А мне за такой совет отдать гору Благодать. По крайности, тогда никакого спору не будет. Ну, и заводы, которые при горе строятся, мне же отдать причтется, чтоб из-за них беспокойства не случилось. Уж потружусь как-нибудь.
Остальные немцы, которые при этом разговоре случились, радуются, похваливают:
- Ай, малатец, какой! Ай, малатец! Все сразу понималь.
Из русских бар тоже мошенников нашлось. Стали тому немцу поддувать:
- Мы де на это согласны. Можем любой завод за себя перевести, особливо ежели бесплатно, либо в долг на многие годы.
Царице и думать нечего. Да у ней только три слова грамоты и было- сослать да повесить, да быть по сему. Живо немцу бумажку нужным словом подмахнула.
С той поры вот все казенные заводы и расползлись по барским рукам, а немец тот - главный-то вор - больше всех захватил. Ему гороблагодатские заводы достались, да еще царица сделала его главным над всеми здешними заводами. Он и давай хапать, что углядит.
Другие, коим по заводу из казны попало, хоть в должниках числились, а этот как раз наоборот. Сам не платил, а новые долги делал и так ловко подводил, что все эти долги на казну переписывал. Я, дескать, тружусь, дураков ловлю да деньги из них вытягиваю, а казна пусть платит. Тогда и выйдет без обиды.
Мало этого показалось, так стал железо с казенных заводов, которое раньше было сделано, от себя продавать.
До той поры хозяйничал, пока та царица ноги не протянула. Тут, понятно, взяли кота поперек живота, а он отговаривается, дескать, человек немецкий и по здешним законам судить невозможно. Ну, говорят, сослали все- таки, а воровскую выдумку, чтоб казенные заводы по рукам расхватывать, не забросили. Это, видно, по душе пришлось.
Вот про этого старинного немца памятка по заводам и держится. Так и зовут его: обер-гор - главный вор, - гору проглотил и заводы у казны украл.